

Байбородов Алексей Юрьевич

"ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ" И ПРОБЛЕМА КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Статья рассматривает понятие-экзистенциал "пограничная ситуация" в контексте проблемы коэкзистенциального со-бытия. Понятие "пограничная ситуация" впервые предложено немецким философом К. Ясперсом. Автор настоящей статьи пытается переосмыслить данное понятие применительно к проблеме коэкзистенциального со-бытия. В результате пограничная ситуация определяется как ситуация, задающая предельные смыслы со-бытия через отрицание самого опыта со-бытия. Кроме того, автор пытается обозначить позитивный смысл пограничной ситуации как важнейшего условия и возможности осмысленного со-бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 15-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Таким образом, как показало исследование, Курский Свято-Троицкий женский монастырь являлся одним из немногих возрожденных женских монастырей в СССР в годы Великой Отечественной войны и единственным женским монастырем, функционировавшим с 1942 по 1949 гг. в Центральном Черноземье в частности и РСФСР в целом. Рассмотренный комплекс документов позволил судить о численности, возрасте монашествующих, их юридическом и хозяйственном положении, о патриотической и других видах деятельности обители в указанный интервал времени.

Список литературы

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви; Арфа, 2008. 352 с.
2. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 216 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1.
4. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2.
5. Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 1995. 221 с.
6. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М., 2009. 765 с.
7. Содоль В. А. Поземельные взаимоотношения православных монастырей местных органов власти Молдавской ССР на рубеже 1940-1950-х гг. // Русин. 2010. № 4. С. 100-107.
8. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. 423 с.
9. Энциклопедия «Древо» [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru> (дата обращения: 13.03.2016).
10. Якунин В. Н. Православные монастыри и монашество в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории Великой Отечественной войны: мат-лы межвузовской конференции. Самара, 1996. Вып. 2. С. 52-54.

KURSK SAINT TRINITY NUNNERY IN THE 1940S

Antonenko Elena Aleksandrovna
Southwest State University
lenapuzikova@yandex.ru

The article examines the everyday life and activity of the revived in the years of the Great Patriotic War Kursk Saint Trinity Nunnery. Relying on historiographic sources and the documents of the State Archive of the Russian Federation the author analyzes the conditions and forms of the existence of the nunnery, which functioned from 1942 till 1949, within the framework of new legislation and most complicated state – Church relations. The study indicated that Kursk Saint Trinity Nunnery was the only nunnery that functioned in the RSFSR in the 1940s.

Key words and phrases: nunneries; monastery; monks; The Great Patriotic War; religious policy; activity; Russian Orthodox Church.

УДК 159.944.4:159.923.2

Философские науки

Статья рассматривает понятие-экзистенциал «пограничная ситуация» в контексте проблемы коэксистенциального со-бытия. Понятие «пограничная ситуация» впервые предложено немецким философом К. Ясперсом. Автор настоящей статьи пытается переосмыслить данное понятие применительно к проблеме коэксистенциального со-бытия. В результате пограничная ситуация определяется как ситуация, задающая предельные смыслы со-бытия через отрицание самого опыта со-бытия. Кроме того, автор пытается обозначить позитивный смысл пограничной ситуации как важнейшего условия и возможности осмысленного со-бытия.

Ключевые слова и фразы: пограничная ситуация; коэксистенциальное со-бытие; самобытие; субъект; возможность; отрицание.

Байбородов Алексей Юрьевич, к. филос. н., доцент
Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. Н. Прянишникова
abaiborodov60@gmail.com

«ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ» И ПРОБЛЕМА КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Общение как весьма противоречивый и многоплановый процесс может быть осмыслен с самых различных сторон, причём ключевая роль в его понимании принадлежит его субъекту, то есть человеку. Если ставится цель высветить общение *sub specie hominis*, как процесс сугубо *человекосоразмерный*, то его нельзя свести лишь к процессу коммуникации. Общение всегда направлено на обогащение самого субъекта, на конституирование его как личности. То, что составляет внутреннее пространство субъекта общения, подчас «глубинные», до поры

не эксплицируемые движущие силы его активности, непосредственно инициируют возобновление и последующее «овеществление» информационно-коммуникационных линий и матриц социального взаимодействия.

В нашем случае особый интерес представляет способ экзистенциально-феноменологического «схватывания» процесса общения. Иначе говоря, вопрос встаёт о специфике экзистенциального общения, в процессе которого субъект непосредственно «проговаривает» опыт самобытия и со-бытия *intra pectus*. Стало быть, вопрос ставится о сугубо **человеческом** измерении общения, главное условие которого – состояние «*участности*», *вовлечённости*. Именно вовлечённость позволяет говорить о целостном субъекте, переживающем *intra pectus* предельно «прозрачную» лишь для него самого ситуацию бытия-события с себе подобным. Разумеется, внутренний опыт самобытия чрезвычайно изменчив, текуч и, казалось бы, неуловим, «бесплотен», а посему трудно поддаётся «объективации». Но нельзя совершенно однозначно утверждать, что «интроспективный» опыт никогда не может быть «опредмечен». Так или иначе, нашему взору предстают его застывшие «слепки» как нечто «ставшее», доступное непосредственному наблюдению. Онтически это может быть некий рукотворный предмет, предназначенный *для кого-то*, в изготовление которого человек «вложил свою душу». Здесь мы уже видим известную попытку «объективации» внутреннего опыта субъекта. То же, в сущности, относится и к общению: мы можем «объективно» наблюдать то, что называют «проявлением чувств», «многозначительным взглядом» и т.п. Но как же возможен этот внутренний опыт субъектов общения? Возможно ли попытаться его осмыслить и тем более – облечь в понятия?

Таким образом, философствование с позиций «вовлечённого» мышления позволяет, на наш взгляд, высветить и обозначить те «невидимые», «необъективируемые», но при этом весьма реальные и значимые движущие силы самого общения. Ставя в фокус настоящего анализа проблему *коэкзистенциального общения*, необходимо, как думается, провести различие между понятиями «*экзистенциальное общение*» и «*коэкзистенциальное общение*».

Экзистенциальное общение есть исконно присущий субъекту способ бытия-события, в котором он изначально «постигает» самого себя как со-бытийствующего с себе подобным. Это есть исконно-первичный, до-рефлексивный способ со-бытия, предшествующий каким бы то ни было формам дискурсивного анализа. На это указывают Н. Аббаньяно [1], Ж.-П. Сартр [2], М. Хайдеггер [4], К. Ясперс [5] и др. Так, в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера *Dasein* открывает для себя Другого в целостной структуре «имения-дела» через способ «проговаривания» ближайшего окружения «мира». Так, *подручность* означает способ бытия той или иной вещи, направленной *на что-то* и предназначенной *для кого-то*. Способ «имения-дела» указывает на носителя, «совстречного» *Dasein*. Таким образом, Другой высвечивается через целость «имения-дела» как «присутствие-размерное бытие» [4, с. 118]. При этом экзистенциальное общение как исконный способ бытия-события субъекта может принимать как «аутентичные», так и «превращённые» формы. И те, и другие, суть, атрибутивные свойства самого экзистенциального общения. Если «аутентичные» формы со-бытия предполагают «прорыв» в пространство смысла через признание и утверждение Другого в его «незаместимом» модусе бытия, то «превращённые» формы – через «падение» в анонимно-безличный способ бытия, где субъект уже «не принадлежит» самому себе, равно как и не слышит «голос» Другого. Для прояснения сути и смысла коэкзистенциального общения вполне уместно очертить общий «онтологический набросок» последнего. По нашему мнению, под коэкзистенциальным общением следует понимать *универсальный способ со-бытия субъектов в их фундаментальной бытийной возможности*. Стало быть, коэкзистенциальное общение возможно через принятие и признание себе подобного в его «уникально-незаместимом» модусе бытия.

Но как же становится возможным «прорыв» в пространство смысла? Не подлежит сомнению, что он возможен через сознание субъекта. Но сознание субъекта, тождественное способу бытия-события, изначально «внутримирно» (М. Хайдеггер), ибо существует в «мире». Но существование в «мире» противоречиво и подчас весьма драматично, ибо субъект всякий раз подвергается известному «давлению», «теснению», поскольку те или иные онтически истолковываемые обстоятельства и ситуации подчас ничтожат, сводят на нет бытийные и со-бытийные проекты или делают их осуществление проблематичным. Субъект тем или иным образом «страдает», но страдание подобного рода может быть истолковано сугубо онтологически, ибо тот или иной со-бытийный проект является *отрицаемым, ничтожимым*. В сущности, состояние подобной «страдательности» через переживание «принудительно данного» показал К. Ясперс, выдвинувший понятие-экзистенциал «*пограничная ситуация*». Данное понятие, по Ясперсу, наиболее точно отражает способ бытия субъекта как «возможной экзистенции в существовании» [5, с. 4]. *De facto* пограничная ситуация ничтожит «сплошную непрерывность» опыта бытия-события и онтологически вычерчивает возможность, которую субъект свободен принять или **не** принять. Пограничную ситуацию нельзя отменить или даже изменить, её можно лишь «прояснить» через акт фундаментального выбора. Таким образом, пограничная ситуация отрицает «непроницаемость» и сплошную «позитивность» бытия в силу того, что «я всегда нахожусь в ситуациях, что я не могу жить без борьбы и без страдания, что я неизбежно принимаю на себя вину, что я должен умереть» [Там же, с. 205]. В сущности, главный предикат пограничной ситуации – *отрицание* первоначальной «недифференцированной» полноты экзистенциального опыта со-бытия. По-видимому, вначале этот опыт был «позитивным», целостным, но в то же время и «наивным», доселе не знавшим никакого «потрясения основ». Стало быть, речь идёт уже о *самопрояснении* субъекта, о «просветлении» его экзистенции. По мнению К. Ясперса, постичь исконный глубинный смысл пограничной ситуации возможно лишь *экзистирюя*. Будучи вначале скрыта от субъекта и «растворена» в системе дискурсивных понятий, пограничная ситуация предстаёт как *возможность* через акт выбора. В пограничной ситуации экзистенция *становится*

через скачок, который и делает возможным её «просветление». Согласно Ясперсу, экзистенция проходит три «ступени» в направлении «просветления». Во-первых, происходит «прорыв» экзистенции в сферу рефлексии, вследствие чего субъект ставит перед собой всеобщие вопросы бытия, пытается искать на них ответ. Далее происходит «скачок» в сферу абстрактно-теоретического мышления, при котором субъект философски, пока ещё отвлечённо, постигает сущность пограничной ситуации как *потенциальной возможности* существования. Пограничная ситуация высвечивается пока как возможность, так как на этой стадии ещё нет непосредственного экзистирования. По-настоящему пограничная ситуация проясняется «благодаря *неповторимому воплощающему акту в нашем собственном существовании*» [Там же, с. 208]. неповторимый экзистенциальный акт ведёт к «подлинной», действительной экзистенции.

Приведённые выше соображения могут представлять интерес применительно к постановке проблемы коэкзистенциального общения. В свете настоящего анализа мы опираемся на «захватывающее» понятие «пограничные ситуации», но при этом предпринимаем попытку его переосмыслить в связи с проблемой определения коэкзистенциального общения. По нашему мнению, пограничная ситуация может быть определена как *ситуация, задающая предельные смыслы со-бытия через отрицание первичного, дорефлексивного опыта со-бытия*. Таким образом, пограничная ситуация инициирует собой «прорыв» в сферу смысла, что становится возможным через отрицание «утвердительной позитивности» исконно-первичного опыта со-бытия. Через «прорыв» к возможности «подлинного» со-бытия Другой высвечивается не просто как со-присутствующий, но как *сущностно необходимый* для моего существования. Пограничная ситуация становится важнейшим условием и возможностью трансформации экзистенциального общения в коэкзистенциальное.

К. Ясперс под пограничной ситуацией понимает, главным образом, смерть, страдание, вину, борьбу, смысл которых с наибольшей силой и глубиной раскрывается через опыт «действительной экзистенции». Применительно к развиваемой в настоящей работе концепции коэкзистенциального общения пограничная ситуация может быть также истолкована как одна из манифестаций «предельного» смысла отрицания, «просветляющая» исходный смысл со-бытия. «Предельный» смысл отрицания со-бытия, определяемый поначалу «от противного», онтологически высвечивается через пограничные ситуации смерти, болезни, отчаяния, вины, разлуки, страдания. В данной связи сама пограничная ситуация со-бытия предстаёт как *способ предикации* «предельного» смысла отрицания. Некое событие, «потрясающее основы» сосуществования, обретает сугубо бытийный, «предельный» смысл. В рамках исходного модуса экзистенциального со-бытия Другой для меня поначалу «непроницаем», поскольку его способ бытия становится для меня очевидным через непосредственный способ сосуществования, а также через «взаимосвязь отсыланий» [4, с. 116] «подручного» и «наличного» (М. Хайдеггер). Так, *взгляд* Другого, возвышающий его над сплошной «недифференцированностью» бытия, говорит мне нечто о присущей этому Другому «внутренней жизни». Благодаря взгляду Другой уже не «вещь среди вещей», хотя и одушевлённая, но эта «внутренняя жизнь» постигается ещё онтически. Экзистенциальный способ со-бытия есть возможность коэкзистенциального. В силу же *возможностной* природы со-бытия «прорыв» в пространство коэкзистенции может свершиться, но может и **не** свершиться. Сама пограничная ситуация, приходя как бы «вдруг», ничтожа первичный способ экзистенциального со-бытия, производит «ломку», «крушение» тех способов мышления и поведения, который до этого субъекты почитали незыблемыми, не подлежащими сомнению. Некий «пограничный» опыт, истолковываемый онтически как болезнь, экстремальная ситуация, вина и т.п., отрицает первоначальную «самопонятность», непроницаемость опыта со-бытия. «...Мы становимся самими собой, когда с открытыми глазами вступаем в пограничные ситуации» [5, с. 206].

Таким образом, опыт действительного со-бытия, высвечиваемый в пограничной ситуации, делает «прозрачным» мой способ бытия-события и способ бытия Другого в опыте непосредственного «предстояния». Как я для самого себя, так и Другой для меня «прозрачны», открыты в опыте со-бытия. И если пограничная ситуация инициирует собой *возможность* «скачка» (К. Ясперс), трансформации субъектов общения, то за «фактично» проявляемыми и регистрируемыми изменениями «просвечивает» сугубо бытийный смысл подобной трансформации. Я и Другой переходят в «своё иное». Субъект кардинально преображается, поскольку свершается переход от возможного к действительному. Трансформируясь в «своё иное», я становлюсь «прозрачным» для самого себя, как и Другой для меня. Я предстаю в отношении к самому себе («Я-для-себя»), в отношении к Другому («Я-для-Другого»), равно как и Другой предстаёт как «Другой-для-меня». Субъекты со-бытия, переходя в «своё иное», отрицают, превосходят «себя-бывших» и прежнюю ситуацию со-бытия как «прежде-бывшую». Другой предстаёт в своей «действительной экзистенции» (К. Ясперс). Но при этом, на наш взгляд, следует различать *действительную* и «подлинную», *аутентичную*, экзистенцию. Ведь действительный ещё не означает подлинный. Действительный способ бытия-события открывает мне самого себя и Другого «как он есть». Действительный способ есть своего рода *констатация* факта со-бытия с Другим. Действительный способ со-бытия может быть способом отрицания коэкзистенциального опыта, будучи направленным на отчуждение меня «для Другого» и *vice versa*. Онтически, в экстремальной ситуации, я могу спасти самого себя, забыв о Другом, могу оставаться безразличным, пойти на предательство и т.п. Пограничный опыт в модусе со-бытия предельно ёмко и лаконично иллюстрирует народная мудрость: «Друзья познаются в беде», – а также множество произведений классической и современной литературы и искусства, среди которых – творчество Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, военная проза В. Быкова и В. Астафьева, песенно-поэтическое творчество В. Высоцкого и т.д. И если всякое «рассуждение об экзистенции», как показывает К. Ясперс, есть ситуация, в которой экзистенция пока ещё «в готовности к скачку, а не в скачке» [Там же, с. 208], то *sine qua non* «прорыва» к «аутентичному» со-бытию – осознание и свободный

выбор самих субъектов. Отсюда следует, что коэкзистенциальный способ со-бытия есть *возможность*, которую субъект свободен избрать или **не** избрать. Но возможность коэкзистенциального со-бытия не есть его детерминация. Детерминационные связи суть нечто наличное, некий «предел фактичности», который я могу подвергать рефлексии, но он не определяет с необходимостью мой выбор, который я могу осуществить, ибо «...для человеческой реальности быть – это значит *выбирать себя*; ничего не приходит к ней ни извне, ни также изнутри, чтобы она могла *получать* или *принимать*. Она полностью заброшена без какой-либо помощи любого вида в невыносимую необходимость делаться бытием до малейшей детали» [2, с. 452]. Субъекты со-бытия изначально свободны возобновить или прервать коэкзистенциальную связь. Сам по себе трагический опыт смерти Другого, переживание вины, болезни есть возможность последующего выбора модуса со-бытия. Коль скоро пограничная ситуация не детерминирует с необходимостью мой выбор, она является возможностью, которую я свободен осуществить или **не** осуществить. Кроме того, всякая пограничная ситуация со-бытия есть не просто наличная данность и не просто отрицание «континуальной» целостности экзистенциального со-бытия, но фундаментальная угроза возможности коэкзистенции. Во всякий момент коэкзистенциальный опыт подвергается отрицанию, «теснению» (К. Ясперс). Всякая ситуация сопротивления, преодоления «инерции» других, повседневные «мелочи жизни» и т.п. суть *частные отрицания*, в преодолении и ничтожении которых утверждаются сущность и смысл коэкзистенциального со-бытия. «Моя неизбежная зависимость от природных данностей и от волевых позиций других людей – это лик пограничной ситуации, поскольку она *тесняет* (*курсив мой* – А. Б.) меня» [5, с. 215]. Утверждение смысла коэкзистенциального со-бытия через отрицание «детерминаций» и возможности «падения» в *ничто* есть диалектика «отрицания отрицания», но не в научно-философском смысле, а исключительно через способ бытия-события. Во всякий момент трансцендирования коэкзистенциального опыта за границы «фактичной» ситуации, через самый коэкзистенциальный акт, имеет место не просто выбор позитивной возможности со-бытия, но *отрицание ничто со-бытия*. Всякое отрицание ничто со-бытия может быть истолковано как пограничная ситуация утверждения коэкзистенциального смысла. Так, даже переживание смерти Другого может стать позитивной возможностью отрицания смысла небытия, который несёт с собой смерть. Разумеется, смерть как отрицание коэкзистенциального со-бытия не может быть сведена только к физической «кончине», поскольку за «фактичной» регистрируемым «прекращением жизнедеятельности организма» кроется сугубо онтологический символ-смысл тотального отрицания. «Экзистируя» в пограничной ситуации со-бытия, живущие субъекты могут сущностно прозреть сугубо бытийный, «сверхлогичный» смысл смерти и «возродиться» вновь в своей открытости для новых ситуаций со-бытия. Таким образом, субъекты коэкзистенциального со-бытия, утверждая смысл самого со-бытия через фундаментальный акт выбора, всегда *открыты* для возможной пограничной ситуации со-бытия, ибо осознают, принимают в расчёт всякую «негативную» возможность отрицания смысла. Всякий «скачок», таким образом, есть акт утверждения смысла со-бытия.

Таким образом, всякая пограничная ситуация со-бытия может обнаружить сугубо *позитивный* смысл, поскольку осознаётся как фундаментальная возможность осуществления выбора. Подобным образом может быть пережито и осмыслена ситуация страдания, болезни или вины, которая важна и ценна не в своей внешней «фактичности», а осмысляется через призму онтологического *сверхсмысла*. Именно пограничная ситуация болезни и смерти весьма характерно указывает на разведение фактологического и бытийно-онтологического планов со-бытия. Весьма ярко и наглядно подобная ситуация проиллюстрирована в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: «Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти» [3, с. 73]. Вначале Иван Ильич, «поражённый» внезапным открытием, испытывает глубокое озлобление и ненависть даже по отношению к своим близким: «И они никто не знают, и не хотят знать, и не жалеют... Скоты!» [Там же]. В финале повести Иван Ильич жалеет и прощает близких людей, но эта жалость несёт уже сугубо бытийный смысл, выходит за грань «слишком человеческого» опыта: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий» [Там же, с. 96]. В рассказе «Хозяин и работник» купец Брехунов совершает акт самопожертвования, отогревая замерзающего работника Никиту. В данном рассказе художественно смоделирована ситуация отрицания прежних способов со-бытия и «прорыв» в пространство коэкзистенциального смысла: «И он вспоминает, что Никита лежит под ним и что он утёрлся и жив, и ему кажется, что он – Никита, а Никита – он, и что жизнь его не в нём самом, а в Никите. “Жив Никита, значит, жив и я”, – с торжеством говорит он себе» [Там же, с. 261]. Пограничные ситуации болезни и смертельной опасности становятся фундаментальными возможностями трансформации экзистенциального способа со-бытия в коэкзистенциальный, поскольку инициируют утверждение бытия Другого через акт онтологического выбора.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сформулировать следующее:

1. *Экзистенциальное общение* и *коэкзистенциальное общение* представляют собой два основополагающих и, по сути, противоположных модуса бытия-события. Если экзистенциальное общение представляет собой изначальный, исконно-первичный модус со-бытия, то коэкзистенциальное общение являет собой «аутентичный» модус со-бытия самореализующихся субъектов в их «фундаментальной бытийной возможности». Кроме того, коэкзистенциальное общение есть свойство-предикат экзистенциального общения.

2. В настоящей статье предпринята попытка переосмысления понятия-экзистенциала «пограничная ситуация», первоначально предложенного К. Ясперсом. Применительно к проблеме коэкзистенциального со-бытия пограничная ситуация определяется автором статьи как ситуация, задающая всеобщие предельные смыслы со-бытия через отрицание первичного «недифференцированного» опыта экзистенциального со-бытия. *De facto* отрицание первоначальной целостности опыта экзистенциального со-бытия есть основное свойство-предикат пограничной ситуации со-бытия.

3. Пограничная ситуация может быть истолкована как фундаментальная *возможность* коэкзистенциального со-бытия, поскольку инициирует собой возможность онтологического выбора, осуществляемого субъектами общения.

4. Пограничная ситуация предстаёт как ситуация «прояснения» опыта со-бытия, поскольку высвечивает субъектов в их *действительном* модусе со-бытия, направленном либо на упрочение, либо на разрыв коэкзистенциального отношения.

5. Пограничная ситуация может обнаружить *позитивный* смысл со-бытия, так как указывает на *позитивную возможность* кардинальной трансформации экзистенциального общения в коэкзистенциальное.

Список литературы

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм / пер. с итал. А. Л. Зорина. СПб.: Алетейя, 1998. 507 с.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
3. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1987. Т. 11. 575 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
5. Ясперс К. Философия: в 3-х т. / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, 2012. Т. 2. 448 с.

“MARGINAL SITUATIONS” AND PROBLEM OF CO-EXISTENTIAL COMMUNICATION

Baiborodov Aleksei Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm State Agricultural Academy named after academician D. N. Pryanishnikov
abaiborodov60@gmail.com

The article examines the existential concept “marginal situation” in the context of the co-existential co-existence problem. The concept “marginal situation” was introduced by the German philosopher K. Jaspers. The author tries to re-interpret this concept in relation to the co-existential co-existence problem. Consequently the marginal situation is considered as a situation determining the marginal meanings of co-existence through the negation of co-existence experience itself. Moreover, the researcher tries to identify the positive meaning of the marginal situation as a crucial provision and possibility for conscious co-existence.

Key words and phrases: marginal situation; co-existential co-existence; self-existence; subject; possibility; negation.

УДК 908(571.56)

Исторические науки и археология

В статье определяется значение материалов муниципальных архивов Республики Саха (Якутия) как важного источника изучения истории повседневной жизни населения Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Основной целью анализа фондов муниципального архива муниципального района «Сунтарский улус (район)» Республики Саха (Якутия) является изучение делопроизводственных документов местных органов советской власти, образованных в годы военного лихолетья.

Ключевые слова и фразы: Якутская АССР; Сунтарский улус (район); Великая Отечественная война 1941-1945 гг.; архивные фонды; исторические источники; делопроизводственные документы.

Винокуров Александр Данилович

Российский государственный гуманитарный университет
ad.vinokurov@gmail.com

СУНТАРСКИЙ УЛУС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.: ОБЗОР АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Сунтарский улус, расположенный в долине среднего течения р. Вилюй, был основан в 1803 г. с административным центром в с. Сунтар. В апреле 1899 г. из Сунтарского улуса выделяется новый Хочинский улус с центром в с. Тойбохой. В связи с проведением в стране реформы административно-территориального деления IV Всеякутский съезд Советов 4 марта 1929 г. постановил провести в республике районирование с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г. В сентябре 1929 г. предполагалось объединить Хочинский, Сунтарский улусы и с. Сунтар в единый Сунтарский район. Постановлением II сессии ЯЦИК VI созыва от 9 января 1930 г. было утверждено образование Сунтарского района [10, с. 215].

Муниципальный архив муниципального района «Сунтарский улус (район)» был образован 5 мая 1936 г. на основании приказа Сунтарского райисполкома № 53 «О назначении архивариуса». В период укрупнения районов по производственному признаку в 1963-1965 гг. путем объединения Сунтарского и Нюрбинского районов был образован Ленинский сельский район. В тот же год фонды районного архива Сунтарского района были перевезены в объединенный архив Ленинского района в п. Нюрба. В 1965 г. при разукрупнении районов фонды архива были возвращены во вновь восстановленный Сунтарский район [12, с. 10].